

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ
КГБ против СССР

КНИГА ВТОРАЯ

Братья Швальнеры
КГБ против СССР. Книга вторая

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

КГБ против СССР. Книга вторая / Братья Швальнеры —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962385-0

Многие книголюбы помнят нашумевшую в конце 80-х книгу Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой рассказывалось о войне американской спецслужбы против нашей страны. Но все ли мы знаем о том, какую внутреннюю войну против Союза вел наш «родной» КГБ? Все ли жертвы его исчислены и все ли итоги подведены? История дает отрицательный ответ — слишком много еще умалчивается о «подвигах» почившей в бозе спецслужбы, а ведь без изучения ошибок прошлого нет будущего...

ISBN 978-5-44-962385-0

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

Глава двенадцатая	6
Глава тринадцатая	13
Глава четырнадцатая	19
Глава пятнадцатая	26
Доктор Сигурд Йоханссон. О спецоперациях КГБ начала 1980-х и убийстве артистки Зои Федоровой	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

КГБ против СССР

Книга вторая

Братья Швальнеры

Дизайнер обложки Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2019

© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-2385-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-0731-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава двенадцатая

11 декабря 1981 года, Москва

Съемки очередного выпуска программы «Товарищ Кино» закончились в Останкино в районе 14 час 00 мин. Стандартная фраза «До новых встреч, уважаемые телезрители», сказанная ведущей – знаменитой актрисой Зоей Федоровой, – после чего отмашка режиссера, окрик оператора: «Снято!», и направленные в пол софиты осветителя. Яркий телевизионный свет погас, уступая место искусственному комнатному освещению. Ведущая – пожилая женщина в скромном с виду, но достаточно дорогом французском костюме с блестящей брошью на груди – устало побрела в гримборную, где переделалась в обычное уже, повседневное платье, а брошь (кстати говоря, свою собственную, хоть и не уступающую в цене сценическому одеянию) спрятала в сумку. Наскоро собравшись, она, практически никем не замеченная, вышла из студии и спустилась по эскалатору вниз, на первый этаж. Да, здесь ее уже почти никто не замечал – знаменитые артисты, так или иначе часто становившиеся гостями или ведущими популярных программ, связанных с кинематографом, не были здесь редкостью. Однако, стоит Федоровой выйти на улицу, как пара-тройка любителей старого советского кино не преминет остановиться, чтобы попросить у звезды некогда любимых фильмов автограф, поздороваться с ней за руку, спросить, где же это она пропадала после войны в течение целых десяти лет... Она, конечно, расскажет – сейчас лагерное прошлое уже не постыдно, как некогда, но в процессе рассказа сама расчувствуется, ведь не так больно ей от воспоминаний о тюремном сроке, что свалился на нее как снег на голову в отместку за связь с американским адмиралом, как от осознания навсегда поломанной личной жизни, почти сломанной жизни дочери и лишения ее возможности простого женского человеческого счастья. Да, конечно, после освобождения, почти 30 лет спустя, возможность встретиться с давней любовью Советское правительство ей любезно предоставит – но что это за свидание, через столько-то лет? Любовь, в отличие от мести, холодной не подают, ее температура должна быть высокой, но, к сожалению, она остывает с течением времени. И расставание никак не препятствует этому процессу, а, скорее, наоборот.

Зоя Федорова

Но сегодня ей никак нельзя растрогаться – предстоит еще много дел. Сначала надо захватить на Черкизовский рынок, купить кое-что к ужину, где сегодня будет не она одна. У нее сегодня важный гость, практически судьбоносная встреча. От этой встречи зависит, как скоро она увидится со своей дочерью, которая давно уже живет в доме отца, в Штатах. Так случилось, что первое свидание за тридцать лет состоялось у Зои Федоровой и Джексона Тэйта только в 76-ом. Два года спустя он умер, но актрису все еще продолжали выпускать в США ведь туда успела уехать ее дочь, Виктория, выпускница актерского факультета ГИТИСа, решившая вос-

соединиться с отцом. Во многом в этом помогала ее сановная подруга и, так сказать, коллега по работе... Но, как видно, всему приходит предел. По какой-то причине в этом году актрисе визу не дали – в ОБИРе отмолчались, сославшись на КГБ, куда подруга ее входа не имела, даже при ее связях и общественном положении. Несколько месяцев обивания порогов не давали результата до тех пор, пока она не встретила с единственным, пожалуй, в Союзе человеком, который мог помочь ей в решении ее вопроса. На работе – это понятно, объясняется спецификой рабочего места – он долго говорить с ней не мог и потому назначил встречу у нее дома, недалеко от дома, где живет он сам и вообще вся партийная верхушка страны. Туда должен был прийти он сам или его порученец, который внимательно ее выслушает, после чего самый большой человек сделает все, чтобы решить вопрос. Глаза у него были добрые, голос спокойный и добродушный – всего этого Зое Алексеевне так не хватало в этих кажущихся бесконечными схватками с бюрократами из визовой службы, что она сразу поверила ему. Поэтому и ко встрече приготовилась основательно – на рынке купила дефицитных по этому времени года помидоров, в «Елисейском» по знакомству с заведующим, Соколовым, разлилась дорогим вином и коньяком, после чего опретью летела домой, чтобы успеть приготовить все к приходу дорогого гостя.

Как и предполагалось, сам он прийти не смог. Но и в этом проявил вежливость – загодя позвонил, предупредил обо всем. Что ж, придет его заместитель или кто-то вроде этого... актриса плохо разбирается во всей этой служебной иерархии. Час пробил – в районе 19 часов он пришел. Актриса открыла дверь и широким жестом пригласила его ко входу. Стоило ей повернуться спиной и сделать несколько шагов по коридору в сторону комнаты, как вдруг раздался глухой, но четкий щелчок выстрела. Женщина еле слышно вскрикнула и упала навзничь. Через несколько минут она умрет.

...На место убийства заслуженной артистки Федоровой старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Колесниченко прибыл уже утром, когда первые следы преступления были закреплены ранее прибывшими на место сотрудниками уголовного розыска. Работать со свидетелями подполковник Сельянов ночью не решился, ограничившись только составлением списка тех, кого предстоит утром допросить. Он толком не знал, что надлежит спрашивать, да и напугать не привыкших к подобным эксцессам обитателей тихого и солидного дома на Кутузовском проспекте не хотел, и потому надеялся лишь, что его работу по достоинству оценит его старинный коллега Колесниченко. Велико же было его разочарование, когда приехавший утром следователь окинул скептическим взглядом составленную им челобитную с фамилиями и адресами тех, кто, по мнению МУРовца, мог хоть как-то помочь следствию.

– Думаете, малоинформативные свидетели?

– Думаю, что никто ничего не слышал и не видел. Ну что такое один хлопок выстрела? Ни криков, ни иного шума, судя по локализации ранения – в затылок – она перед смертью не издавала. А на простой щелчок вряд ли кто обратит внимание. Еще момент. Вы обнаружили хоть один отпечаток пальца?

– Нет.

– Вот. Это говорит о том, что мы имеем дело с профессионалом, который уж точно знает как все обставить так, чтобы не привлечь к себе внимание. Так что ваши надежды отыскать что-то в непосредственной близости от места убийства вряд ли оправдаются. А вот консьержку допросить можно.

– Вот так раз. Что же может сообщить консьержка, которая сидит пятью этажами ниже и видит ежедневно если не сотни, то десятки человек, и потому вряд ли кого-то запомнила в лицо?

– Может. Профессия у нее такая – вахтер. Их образ мышления сводится к тому, что они сами себя считают пограничниками. Если обычный человек пройдет мимо кого-то или чего-то подозрительного, то вахтер никогда.

Сельянов улыбнулся логике следователя и, все же не веря в перспективы такого допроса, попросил консьержку дожидаться прихода Колесниченко на своем месте. Спускаясь по лестнице, тот долго думал, как избежать штампов в допросе – ведь та уже знала, по какому поводу ее будут опрашивать, наслушалась слухов и сплетен об убитой, наверняка сама выстроила свою версию случившегося, и важно будет именно эту версию вовремя отсечь; вахтеры, конечно, считают себя пограничниками, но в действительности таковыми не являются.

– Знаете, я хотел спросить у вас...

– Про Зою, да?

– Да.

– Знаете, у меня просто в голове не укладывается, кому она могла помешать. Таковую жизнь прожила – все время ее преследовали, обижали, гнали. Жизнь сломали во время культа личности не только ей, но и дочери...

– Ну не сказать, чтобы особо сильно сломали – Виктория ведь, насколько мне известно, живет в Штатах.

– Да. Потому и сломали. Кому в голову придет уехать от хорошей жизни в процветающем Союзе на загнивающий Запад?! Про тамошние жизнь и порядки по телевизору-то смотреть страшно, не говоря уж о реальности!

– Ладно, мы сейчас про дочь говорить не будем. Неизвестно, сломали ли ей жизнь, вынудив уехать, или спасли от участи матери. Так что давайте пока о ней. Скажите, вы не заметили в течение последних месяца-двух кто чаще всего навещал Зою Алексеевну?

– Ну как же. Это вам любой скажет, кто в доме проживает. Галина Леонидовна.

– Брежнева?! – имя давней знакомой произвело в отношении Колесниченко эффект разорвавшейся бомбы. На какое-то мгновение ему показалось, что все мало-мальски стоящие преступления в Москве совершаются ею – да и как было ему подумать иначе, если бриллиантовый след криминального оттенка тянулся за дочерью Генсека уже свыше года?!

– Именно.

– А что у них было общего? Насколько я помню, разница в возрасте у них весьма внушительная. Да и круг интересов.

Консьержка опасливо оглянулась по сторонам, понизила голос и продолжила:

– Знаете, я точно ничего не знаю и, конечно, под протокол таких вещей говорить не могу, но у нас поговаривали, что Зоя... бриллиантами торговала...

Следователь это знал – перед выездом сюда Андропов тщательно проинструктировал его на предмет обнаружения драгоценностей в ее квартире. На вопрос следователя, откуда такое богатство могло появиться у простой советской актрисы, он только пожал плечами и предположил, что столь щедрые подарки дарил ей Джексон Тэйт, и, якобы, именно поэтому силовые ведомства стали запрещать ей свободные выезды в США. Колесниченко сразу же дал команду Сельянову повторно обыскать место преступления – хотя, конечно, если бы там было что-то найдено, то сообщили бы уже ночью; как-никак, такие вещи всем бросаются в глаза. МУРовцы в точности исполнили указание следователя, нашли несколько тысяч наличных рублей и... ничего более.

– А причем тут Брежнева и бриллианты?

– Ну это, конечно, тоже слухи, но ведь и она к подобным драгоценностям, говорят, неравнодушна.

– Думаете, они вместе этим занимались?

– Ну а зачем тогда Зою-то убили? – продолжала шептать консьержка.

– Убийство с целью ограбления?

– Ну а какая еще цель могла быть в ее отношении? Кому она сама-то нужна была?

– Хорошо. Тогда перейдем непосредственно к дню смерти Зои Алексеевны. Конечно, если бы кого-нибудь подозрительного увидели, то сообщили бы нам, и все-таки я спрошу: никого здесь не было, кто бросился бы вам в глаза?

Старушка улыбнулась:

– Вы сами ответили на свой вопрос.

– Но как тогда убийца проник в ее квартиру?

– Может, через окно?

– На пятый этаж?!

Та только развела руками:

– Вы следователь. Что могла и знала, я рассказала. Дальше ваша работа.

– Да, вы правы.

На улице стоял легкий морозец. Колесниченко вышел на улицу, перешел через дорогу от дома, уселся на скамейку в парке и закурил.

«Интересно получается. Опять Брежнева. Сомнений в ее причастности к ограблению Толстой у меня никогда не было, но то, что она пойдет на „мокрое дело“ для меня, конечно, откровение... – он повернул голову правее и увидел угловой дом, стоящий через две постройки от дома Федоровой. Это был дом правительства, тут жили и Брежнев, когда бывал в Москве, и Щелоков, и Андропов. Символична была близость этого дома к тому месту, где кровавый след оставили бриллианты, которые так любила дочь главного партийного функционера. – И о совпадении тут сложно говорить, слишком уж обстоятельства дел схожи. Значит, у Федоровой в квартире хранилось нечто, что привлекло внимание первой леди почище, чем „королевская лилия“ красного графа. Его вдову Галина Леонидовна пожалела – почему же подруга, Федорова, пала жертвой „желтого дьявола“, овладевшего дочерью Генсека? Или все-таки Честертон прав? Все-таки может замылиться глаз у консьержки, которая, как правильно подметил Сельянов, ежедневно десятки и сотни граждан через себя пропускает, и не заметит она человека в просто сером костюме... – Логика мышления следователя заставила его самого улыбнуться. – А кто у нас, как известно, всегда серые костюмы носит? КГБ. Ладно, так черт знает до чего додуматься можно. Но версию о причастности Брежневой все же проверим. Особенно, если по ходу следствия еще где проявится – все-таки двух совпадений в рамках одного дела быть не может...»

Совпадение, которого так ждал Колесниченко, вскоре случилось. Когда в конце дня он пришел к Генеральному прокурору Союза Рекункову, тот с порога вывалил ему сногшибательные новости.

– Ну как, удалось что-нибудь откопать?

– Да вы что, Александр Михайлович?! В первый же день результатов ждете от такого-то преступления?!

– От какого?

– От связанного с бриллиантами. Вы ведь работали заместителем прокурора, когда мы год назад расследовали ограбление квартиры Толстой. Быстро мы тогда чего-то добились? Да и вообще, добились ли?

– Ну все-таки какие-то результаты да были...

– Да, но и обстоятельства дел разнились. Здесь все-таки труп, пропажа бриллиантов, в то время, как денежные средства остались нетронутыми. Дело носит весьма специфичный характер...

– Я понимаю, Владимир Иванович, и вас не тороплю. Но и вы меня поймите – я здесь человек новый, и мне с порога ругаться со Щелоковым тоже не очень улыбается.

– А зачем вам с ним ругаться? – недоуменно спросил Колесниченко.

– Мне звонил Чурбанов и настойчиво требовал отчитываться перед ним о результатах следствия. Как только что-нибудь проявится более или менее четкое, имейте это, пожалуйста, в виду, и докладывайте мне.

– Как скажете, только... что-то странное получается – Генеральный прокурор будет докладывать заместителю министра, за законностью действий которого должен надзирать?

Рекунков улыбнулся и посмотрел в глаза следователю:

– Владимир Иванович, вы ведь не первый год здесь работаете...

– Конечно. Все сделаю, как вы приказываете!

Поняв, что спорить с человеком, менее решительным, чем его покойный слабовольный предшественник, бесполезно, Колесниченко опрометью бросился к Андропову.

– Опять след Брежневой! – с пеной у рта доказывал он председателю КГБ, который спокойно и невозмутимо слушал его, внимая каждому слову. – Интерес Чурбанова понятен – если мы прихватим женушку, то еще неизвестно, как отнесется к этому Генсек, и останется ли сам он при генеральских погонах?! Но пойти у него на поводу сейчас – это не только поставить навсегда крест на расследовании ограбления Толстой и убийства Федоровой, но и упустить стратегически важные для страны бриллианты, что наверняка были украдены из квартиры! Где они сейчас? Не факт, что уже не за кордоном!

– Факт, – спокойно ответил Андропов.

– Что?!

– Что слышал. Федорова нужна была Брежневой именно для того, чтобы вывозить скупые ей по всей стране бриллианты за рубеж.

– А иначе она никак не могла это сделать?

– Могла, и, по нашим сведениям, даже делала. Иногда ей удавалось договориться с пограничниками, с сотрудниками ОБИРа, даже с некоторыми нашими сотрудниками – согласись, что сложно отказать дочери Генсека? Но очень скоро этот канал закрылся, да и делиться с нечистыми на руку чиновниками она не горела желанием. А здесь – такая прекрасная мадам, которая так часто выезжает за границу без каких-либо проволочек...

– Кстати, почему? Почему, когда выехать даже в дружественную республику из числа членов ОВД, для обычного человека – целая проблема, – Федорова так беззастенчиво и спокойно покидала пределы СССР?

– Чтобы ответить на этот вопрос, надо понимать, куда и к кому она ездила. Адмирал Тэйт, отец ее дочери, занимает не последнюю позицию в высшем руководстве Пентагона, а нам, в условиях и без того накалившихся отношений между двумя сверхдержавами, лишний раз нагнетать тоже... Так что, пока он был жив, мы выездам не препятствовали. Мы бы и дальше не препятствовали, учитывая, что у нее дочь там на ПМЖ осталась. Но, сам понимаешь, поступающие сведения не позволяли дальше идти у нее на поводу. Да и дочурка дала жару.

– А что случилось?

– Выпустила в США книгу воспоминаний под названием «Дочь адмирала», в которой с весьма антисоветских позиций расценила тюремное заключение матери. Понятное дело, мы не можем закрывать глаза на собственные недостатки, к числу которых, разумеется, относятся перегибы культа личности. Но и вот так, как она, огульно и слепо обвинять весь русский народ и всю страну в этом как-то...

– Если все так, как вы говорите, не вполне понятно, зачем Брежневой избавляться от своего главного перевозчика?

– А это отдельная история. Она на днях опять в США собиралась, а наши спецы выезд закрыли. Так она давай пороги обивать так, что треск отдавался аж в моем кабинете. И, во время очередного своего посещения, пригрозила в этих самых стенах тем, что насовсем покинет Союз. Сам понимаешь, у Чурбанова и Брежневой запросто могут быть здесь свои уши, так что, видимо, поняв, что канал закрывается раз и навсегда, а Зоя Алексеевна может

покинуть пределы Союза с ее «кровно нажитыми» ценностями, Галина Леонидовна и решила перейти Рубикон.

– Да, страшно. Сколько лет работаю в органах, а все никак не могу понять, как в руках ее самой и таких, как она, сосредотачивались стратегические богатства, с которых правоохранительные органы глаз не спускают?

– Как, говоришь? Да очень просто. За всеми не уследишь, а между тем разными путями в СССР стекается ежедневно великое множество неучтенных драгоценностей – моряки везут, торгпреды, сотрудники МИДа, недалеко ушедшего от насквозь прогнившего МВД. У кого-то от предков что-то осталось, а сдавать государству означает обкрадывать себя. И потому во всех странах Союза, во всех областях и республиках идут подпольные скупки. В интересах жен и дочерей высшей партийной верхушки, включая ту же Брежневу, ту же Щелокову, ту же Мжаванадзе – жену бывшего первого секретаря ЦК КП Грузии, – скупается золотишко, бриллианты, платина, серебро. Потом руководство местных горкомов и обкомов, чтобы подняться по служебной лестнице, да и денег на посредничестве подзаработать, перепродает это вот этим вот сиятельным гражданам, каждая из которых, по сути, неприкосновенна. Но вот тут стоит вопрос – что с этим массивом дальше делать? И тут на помощь приходят те лица, которые, в силу тех или иных обстоятельств, могут свободно выезжать за рубеж. Там они продают эти ценности за валюту, на нее сразу покупают вещи, «шмотки», как у них принято выражаться, которые свободно и в большом количестве ввозят на территорию Союза, обменивая здесь на рубли. А какая-то часть валюты остается на их частных счетах в западных банках, открытых инкогнито, без имени.

– Зачем?

– На случай «вынужденного отъезда».

– Почему же вы изначально не поставили меня в курс дела относительно этого?

– Относительно чего? Того, что Брежнева причастна к незаконному обороту бриллиантов? Ты и так об этом знаешь. А что толку-то? Доказательств прямых и достоверных, позволяющих перед Леонидом Ильичом открыто обвинить ее во всех совершенных ею преступлениях, мы все равно не добыли, а обвинять бездоказательно сам знаешь, чем чревато...

– Так и не добудем, пока Чурбанову на горло не наступим и не получим тем самым право вести непредвзятое и открытое следствие!

– Наступим, обещаю. Действуй. Видишь ли, ограбление ограблением, а вот убийство заслуженной артистки – это уже серьезная заявка. Если сейчас их не остановить, неизвестно еще, что дальше будет. Так что на этот раз, думаю, мы тебе прикрытие сможем достойное обеспечить.

13 декабря, Александровский сад, 21 час 00 мин.

Страсть к красивым и дорогим автомобилям, по всей видимости, передалась Галине Леонидовне от папы. Несмотря на свою пагубную любовь к алкоголю, она практически ни одного дня не проводила вне руля шикарной иномарки. Вот и сегодня на встречу с Кеворковым в самом центре Москвы приехала так, что редкий постовой бы ее не заметил – и по машине, и по нечеткому стилю вождения. Просто, если обычно он был обусловлен обильным возлиянием, то сегодня руки первой леди Союза дрожали от волнения.

Разведчик сел в ее машину, держа в руках откупоренную бутылку виски. По нему было видно, что он немного выпил в ожидании ее, что не могло воодушевить Галину Леонидовну.

– Ты чего? – сходу заорала она. – У нас разговор серьезный, а ты натрескался?!

– Да и от тебя тоже пахнет...

– Скажешь тоже, пахнет. На нервах вся, не знаю, куда деваться.

– Из-за чего?

– Ты про Федорову слышал?

– А то. Жалеешь, что пропали вместе с ее цацками и твои тоже?

– Да это бы черт с ним. Худо, что, кажется, все стрелки на мне сходятся.

– Но ведь ты ее не убивала, чего бояться-то? На, выпей...

– Не убивала, естественно. Но кто в Москве не знает, что последние полгода мы с ней не расставались? И причина нашего общения всем хорошо известна. Не боюсь я того, что меня обвинят в том, чего я не совершала. Боюсь, что все мои приключения всплывут. Представляешь, какой удар по отцу будет? Что ему останется делать? Ему проще откреститься от меня в таком случае. Он и так уж домой с неохотой меня пускает...

– А договориться со следствием?

– Я тебя потому и позвала. Следствие ведет этот прохиндей, с которым вы вместе недавно в Панаму ездили.

– Колесниченко? Ну так в чем проблема? Скажи мужу, тот вроде в хороших отношениях с Рекунковым, а тот его быстро по служебной вертикали укоротит.

– Если бы все было так просто. Он уже звонил. Рекунков только руками развел – мол, новый человек, никакого еще авторитета, сделать с ним ничего не могу. Он, говорит, самого Руденко не слушал...

– Хм, – задумался разведчик. – Не заметил за ним во время служебной командировки такой ретивости. Приказы шефа на лету схватывал.

– Вот и я о том. Он, говорят, Андропова очень уж слушается. Так ты бы того... поговорил со стариком... Замолвил бы за меня словечко, да и дружка своего научил, как следствие по таким делам вести надлежит.

– Поговорить, конечно, можно, – задумался Кеворков.

– Ну...

– Только что мне за это будет?

– А то ты не знаешь, что мне надо?

– Ой, ой, – улыбаясь, замахала руками Брежнева. – Какой выискался! Так уж прямо я тебя как женщина привлекаю. Скажи, что через меня к папе хочешь подход найти...

– Галина Леонидовна, – заговорила в собеседнике напускная порядочность, – я все-таки офицер. А значит, поклонник прекрасных дам. И потом – пока ты меня о чем-то просишь, а не я тебя. А?

– Ну, уговорил. И когда ты хочешь?

– Да прямо сейчас.

– С ума сошел? Люди увидят.

– Когда тебя это заботило?..

– Ну, ладно... Давай свое пойло, а то я на таких нервах, что без этого ни о чем думать не могу.

Кеворков протянул ей бутылку, она отхлебнула из горла, посмотрела на него и, притянув к себе, поцеловала. Минуту спустя они перебрались на заднее сиденье, обитое отличной немецкой кожей, и машина заходила ходуном под тяжестью двух сплетающихся тел. Проходящий мимо постовой милиционер услышал только доносящиеся из салона всхлипы, стоны и шлепки, но постучать в стекло не решился – на машине были знакомые всей московской милиции номера. Только сплюнул под ноги и быстро зашагал в сторону Кремлевской набережной.

Глава тринадцатая

17 декабря 1981 года, 20 час 30 мин, Москва

Знаменитая советская дрессировщица Ирина Бугримова была настоящей звездой цирка. Ее номера с обученными львами были притчей во языцех не только в Союзе, но и за рубежом, куда она часто выезжала, возвращаясь с наградами, призами и, конечно, дефицитными вещами. Она любила свою работу – а тот, кто придерживается этого правила, всегда на высоте в профессиональном отношении, – и потому поездки за границу рассматривала как приятное вознаграждение, дополнение к тому удовольствию, что и так получала от ежедневного общения с очаровательными дикими зверями. В своих покупках и приобретениях не видела она ничего зазорного – другие делают это, нисколько не чураясь «условной» законностью своих действий. Стране она приносит никак не меньше золота, чем какой-нибудь спортсмен-олимпиец, но получает по заслугам куда меньше, чем ее коллеги из-за рубежа, так что...

Понятно, что при таком образе жизни вокруг нее всегда было много тех, кто был заинтересован в результатах ее поездок за рубеж. С фарцовщиками она не общалась – не по чину, а вот Галине Леонидовне Брежневой была рада всегда. Сегодня ее визит был не праздничным, как обычно. Бугримова понимала, зачем именно пришла Брежнева, ей было страшно – об убийстве Федоровой уже все знали, но старались лишний раз молчать, чтобы не привлекать к себе внимание соответствующих органов потенциальным знакомством с ней. В то же время, без их помощи обойтись теперь не получится – все, кто, так или иначе, был связан с контрабандой ценностей за рубеж, осознавали, что каждый из них ходит под потенциальным ударом тех, кто вчера еще лишил жизни заслуженную артистку СССР. Еще было ясно, что убили Федорову свои – знали, что и где лежит, и пришли за конкретными вещами. Ни с кем другим Бугримова в эти дни не общалась, не хотела обсуждать случившееся с ее подругой, но для Брежневой решила сделать исключение – она одна могла знать что-то конкретное о случившемся. Потому с порога испуганные подруги завели этот разговор.

– Что слышно про Зою? – полушепотом спросила Бугримова. Она была значительно моложе своей «коллеги по цеху», но все равно называла ее всегда по имени. Ее все называли по имени – она не любила козырять возрастом, ей было приятно в обществе молодых подруг быть равной им.

– А что про Зою? Про Зою теперь мы ничего не услышим...

– Я имею в виду про ее убийство.

– Меня подозревают.

Бугримова ахнула, приставив ладонь к губам:

– Неужели тебя?! Но почему?

– А то ты не знаешь, почему. Зоя ведь последнее время все за рубеж рвалась, и выехать не могла. Дочь там какую-то книгу написала, а она оказалась антисоветская. А зачем, спрашивается, ей так надо за рубеж?

– Ну, к дочери.

– К дочери-то к дочери, но не с пустыми руками она туда всегда ездила. Много там было моих вещей, но не страшно, что их забрали, а страшно, что на них и отпечатки мои, и видели их на мне, и отследить при случае, кому они принадлежали, можно будет запросто.

– Там ведь и мое было...

– Ну ты не сравнивай. Кому ты нужна? Кто ты? Дрессировщица, циркачка. А я все-таки первая леди. И врагов у меня, как тебе известно, более, чем достаточно... Да что я – за папу обидно. Если до него дойдет... А если, не дай Бог, на него тень упадет в связи с этим?!

– Да... Ну проходи, чайку попьем...

– Да что мне твой чай?! Меня трясет как лист осиновый, а дома Юрка смотрит на меня как на врага народа, как только за бутылку возьмусь. Есть что погорячее?

– Найдем, – тихо произнесла Бугримова, запирая за гостьей дверь. Перед этим подозрительно осмотрелась по подъезду – нет ли никого. Убедившись в том, что зимним московским вечером жители столицы предпочитают домашний отдых, она вернулась в квартиру.

Минуту спустя подруги сидели за столом в шикарно, не по-советски, обставленной гостиной квартиры дрессировщицы. Здесь было все, что позволяло Брежневой чувствовать себя практически как дома (а жила она не хуже Ирины Александровны): дорогие гобелены, изящные французские настольные лампы, столы из венгерской сосны, ковры из Узбекистана, фарфор, хрусталь. Хотя все это вкупе и напоминало, скорее, товарный склад различного дефицита, чем уютное жилище, а все же было показателем хорошей и обеспеченной жизни в Стране Советов. Впрочем, внимание Брежневой всегда привлекал ее красивый туалетный столик в дальнем углу комнаты – обычно там были демонстративно разложены драгоценности, коих дрессировщица имела никак не меньше, а то и больше, чем первая леди. Сегодня там царил необычная пустота, которая сразу вызвала вопросительный взгляд гостьи.

– А как ты хотела? Сейчас все пришлось спрятать. Неровен час...

– Да, ты права, – опрокидывая рюмку коньяка и запивая ее принесенным Бугримовой кофе, говорила Галина. – Опасно стало богатства наши показывать... Господи, и за что нам это все? Сначала черт знает, с какими трудностями достаем эти цацки, выкупаем по баснословным ценам, продаем, чтобы купить что-то более интересное, потом прячемся по углам, потому что даже мне от КГБ спасу не будет, если до чего-нибудь толком дознаются, а теперь вот еще и жизнью рисковать приходится...

– Думаешь, ее убили из-за бриллиантов?

– Ну а из-за чего еще?! Юра рассказывал, что дома ни одной побрякушки найдено не было, зато все деньги нетронутыми остались. Пришли по конкретной наводке – ничего не громили, не ломали, чтоб следов не оставлять. Точно знали, где и что лежит.

– Но кто это мог быть?

– Да мало ли их, залетных. Вон, когда в прошлом году квартиру Толстой ограбили, тоже на местных все думали, а там целая бригада из Одессы, говорят, для этого приехала.

– Говорят, их Борька твой к ней отправил...

– Ой, не вспоминай, – смахнула Брежнева скупую, скорее всего, напускную слезу. – Таскали его, таскали, хоть и следствие уже закончилось, а Андропов все никак униматься не хотел – натравил своего пса из Генпрокуратуры, Колесниченко, что ли... Только не он их навел. Покупал он у них потом кое-что для меня, да и то попрягать пришлось до лучших времен, а что-то и продать. А ограбил не он.

– А почему с Юрой не поговорила, чтобы не трогали его?

– Что ты! Ему как накапали, что мы с ним любовниками были, он прямо в ярость пришел. Отцу, говорит, все расскажу, а любовника твоего сгною, посажу. Он же всю жизнь там прослужил, во внутренних войсках, у него и без генеральских погон там связей хватит, чтобы Бореньку ни в чем не повинного сгноить по полной программе. Да и потом – сейчас такая ситуация с Зоей сложилась, что мне самой впору его помощи просить, чтобы только не попасть... сама знаешь, куда.

– Да, силы у него хватает.

– А толку?

– В каком смысле?

– А в таком. Зою накануне из Союза не выпускали, ну да я уже говорила. Так вот она обратилась ко мне, чтобы я с Андроповым переговорила. А что я ему скажу? Он меня, наверное, и за человека не считает. Папиным именем козырять в таком щепетильном деле – сама

понимаешь, я не могла. Тогда попросила Юру – он с Андроповым дружен вроде, тот часто ему помогает, да и встречаться они стали последнее время чаще обычного.

– Юра с Андроповым? А Щелоков об этом знает?

– Шутишь? Знал бы – уволил к чертям, они-то с Андроповым на ножах, и еще на каких. Поэтому и встречаются всегда тайно – я раз их разговор подслушала по телефону, так вот выяснила, что свидания назначают на окраине Москвы, то в парке Победы, то вообще за городом, в Ясенево. Никто их никогда вдвоем не видит, но что общаются они очень тесно – в этом я уверена. Ну попросила. Он поговорил, и тот даже вроде бы принял ее у себя. Она звонила, радостная, сообщала, что тот внимательно ее выслушал и пообещал помочь. Сказал, что надо будет еще раз встретиться и... после этого Зою убили.

– Не успели...

– Не успели. Ну, давай, помянем Зою нашу...

Подруги снова пригубили коньяк, после чего Брежнева продолжила свой монолог:

– Хотя черт ее знает, что на Андропова больше подействовало – то, что Юрка его попросил, или то, что Зоя в одном из разговоров с какими-то чиновниками то ли из ОВИРа, то ли из КГБ сказала, что, если они ее не выпустят, то она пойдет в посольство и подаст на эмиграцию. Сама понимаешь, советскому правительству не на руку было бы такой актрисы лишиться под такие «фанфары» – Протопоповой и Годунова с лихвой хватит, – Брежнева имела в виду советских фигуристов Людмилу Протопопову и Александра Годунова, которые год назад эмигрировали из Союза, попросив политического убежища во время гастролей по США. Бугримова понимающе кивнула головой, после чего осмелилась сделать предположение:

– А ты не думаешь, что ее из-за этой угрозы и могли..?

– А как тогда объяснить пропажу бриллиантов? Даже если бы КГБ имитировало убийство с целью ограбления, то деньги бы тоже взяли. А в противном случае – зачем им это надо? Зачем брать ценности? Куда они их денут? На что потратят и как сдадут государству?

– По карманам растащат?

– Ну, ты по себе-то не суди. Андропов, конечно, не ангел, но уж в чем-в чем, а в нечистоплотности его упрекнуть никак нельзя.

– Да, ты права. Пока больше вопросов, чем ответов.

– Вернее, ответ один: всем нам надо сейчас всю свою деятельность свернуть, лечь на дно, притихнуть, пока все не уляжется. С одной стороны, активничать сейчас будем – внимание чекистов к себе привлечем, они теперь в связи с этим убийством будут зорко за нами за всеми смотреть. А с другой – кто этот неизвестный мститель? Не придет ли он завтра за мной или за тобой?

– За мной-да, согласна, но ты – вне опасности. Такая охрана, да и потом дочь Генсека...

– Зоя тоже не простая была. Через нее наше правительство с американским более или менее связь поддерживало, пока был жив ее адмирал. Неспроста и жила она в соседнем с папиным доме, и позволяли ей больше, чем остальным. Наоборот, в их интересах было пылинки с нее сдувать, что они и делали даже после смерти этого ее... Джексона, что ли. Так что твоя версия никуда не годится. Лучше наливай еще, помянем Зою, да я пойду, а то Юрка хватится. А так, может, еще чего от него узнаю – сегодня пятница, вечером придет выпимши, разговорится...

Они помянули Федорову, хотели даже спеть ее любимую песню «Валенки», но не стали – слишком трагичный был повод для встречи. Брежнева ушла, а Бугримова позвонила кому-то и сказала, что теперь можно приходить, плацдарм свободен. Через полчаса с букетом роз наперевес и бутылкой шампанского на пороге квартиры появился любовник дрессировщицы, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР Владимир Колесниченко.

20 декабря 1981 года, 12 час 10 мин, Москва

Тот же самый Колесниченко выходил из кабинета Генерального прокурора Союза Рекункова, где минуту назад закончилась расширенная коллегия прокуратуры. По традиции собиралась она несколько раз в год – обычно, когда подводили итоги полугодия или года, планировалось какое-нибудь масштабное мероприятие союзного масштаба или происходило столь же масштабное ЧП. Сегодня, в конце года, сложного и насыщенного на происшествия, Генеральный прокурор снова подвел итоги работы главного надзорного ведомства, раскрыл проблемные вопросы взаимодействия с иными административными органами, указал на пути их решения. Были заслушаны доклады начальника следственной части Каракозова, заместителя прокурора Найденова, начальника ГУВД Москвы Трушина, столичного управления КГБ Алидина, заместителя министра Чурбанова. Но все эти люди мало привлекали внимание Колесниченко, который случайно в дверях столкнулся с генералом Бобковым, и решил перекинуться с ним парой слов.

Александр Рекунков, Генеральный прокурор СССР

– Здравствуйте, Филипп Тимофеевич, – несмотря на недоговоренности и разногласия, что имели место между двумя правоохранителями во время их совместной работы, Колесниченко сохранил приятное впечатление о генерале КГБ. Успешная совместная работа по делу Ибраимова, созвучность мыслей, что обнаружили оба коллеги при обсуждении итогов расследования убийства Афанасьева – все это характеризовало Бобкова с положительной стороны. Конечно, служба в Комитете и специфика той деятельности, что вел генерал, исполняя служебный долг, накладывали на его личность определенные отпечатки, но в целом это был

ответственный и добросовестный криминалист, знаток своего дела, честный и порядочный – настолько, насколько им должен быть разведчик.

– Здравствуйте, рад вас видеть, – столь же приветливо отозвался генерал, протягивая руку следователю. – Как у вас дела? Что нового? Говорят, вы теперь занимаетесь делом Федоровой? Удалось как-нибудь продвинуться в этом вопросе?

– Немного удалось. Вот хочу как раз об этом с вами посоветоваться. Понимаете, поступила оперативная информация о том, что в дни, предшествующие убийству, Федорова была у Юрия Владимировича по вопросу ее выезда за рубеж. Вроде бы он ее выслушал и пообещал помочь, даже назначив встречу в день убийства или на следующий. Но смерть актрисы помешала этим ее планам. Андропову пока об этом ничего не говорил, как думаете, стоит? И вообще, хотел осведомиться, так сказать, из первых рук – ничего ли вам об этом не известно?

Бобков с интересом посмотрел на своего собеседника.

– Любопытно, откуда к вам могла поступить такая информация? Неужели Агеева завербовали?

Тот улыбнулся и ответил уклончиво:

– Вы же сами учили меня, Филипп Тимофеевич, что источников своей информации никому раскрывать не надо. Оперативная работа на то и оперативная...

– Понимаю и разделяю вашу точку зрения. Конечно, об этом целесообразно было бы спросить у Геня Сергеевича – я все-таки не адъютант председателя КГБ. Но кое-какой информацией поделиться могу – исключительно, чтобы не дать вам встать на ложный путь расследования.

– Буду вам очень признателен.

– Действительно, Федорову накануне смерти к дочери решено было не выпускать – она написала и издала на Западе явно антисоветскую книгу, и выпускать после такого к ней мать было бы для нас делом недопустимым. Каждый человек должен понимать, что за всяким действием наступает последствие. Сколько лет мы шли у нее на поводу, выпускали из Союза и, как вам наверняка известно, практически не досматривали на таможенных постах? А в благодарность что получили? Как прикажете на это реагировать?

– Но ведь сын за отца...

– Да, но отец за сына всегда в ответе. Равно, как и мать за дочь. Потому она и осмелилась явиться к Юрию Владимировичу на прием, чтобы ходатайствовать о помощи в решении этого вопроса. Уж не знаю, кто и как добыл ей такое право – думается, что ее подруга Брежнева. Но надо понимать, что Юрий Владимирович не лыком шит, и с такими просьбами к нему лучше не подходить. Я сам не присутствовал при разговоре, но уверяю вас – ей было отказано. Во всяком случае, это подтверждается ее угрозой, которая была обронена в день встречи и летела едва ли не по всем коридорам здания КГБ – она пригрозила эмиграцией и контактами с послом, если ей не разрешат выезд к дочери.

– Вы же там не присутствовали?

– Говорю вам – ор стоял такой, что слышно было даже в Лефортово. Так вот она пригрозила невозвращением. Не понимая, видимо, в чем она кабинете и не осознавая пределы допустимого в разговоре. И потому ни о какой второй или третьей встрече, в день убийства или после него речи с ней быть не могло.

– А как тогда объяснить тот факт, что дверь убийце Федорова открыла сама?

– Как хотите. Убили с целью ограбления, по наводке, пришли с хорошим знакомыми – вариантов тысяча. Не думаете же вы, что порученец Андропова пришел к ней, чтобы всадить пулю в затылок?

– Нет, конечно, но все равно это странно. Умирает она сразу после визита к председателю КГБ. Может, кому-то было выгодно, чтобы вторая встреча у них не состоялась?

Бобков побелел – следователю показалось, что он разозлился.

– Говорю вам, никаких последующих встреч быть не могло и в проекте! И не понимаю вашего рвения в попытке идти по ложному следу – не все ли равно, в каких отношениях был убитый нечистый на руку человек с председателем КГБ? Да и могло ли быть такое, что отношения могли быть дружескими? Надо совсем не знать Юрия Владимировича, чтобы подумать такое!

– Да, наверное, вы правы, – сказал Колесниченко. – Пойдемте пообедаем.

Они спустились на первый этаж здания Генпрокуратуры, а по дороге следователь все время думал о том, что, судя по реакции Бобкова, он обманул. Встреча с Андроповым у Федоровой была – и прошла она весьма продуктивно, иначе зачем Бобкову с пеной у рта доказывать обратное?! А значит, должна была быть и вторая встреча, и, вполне возможно, в день убийства.

Глава четырнадцатая

21 декабря 1980 года, Москва

Звонок от вдовы майора Афанасьева, Олеси, раздался внезапно – когда следователь Колесниченко уже пришел домой и собрался ужинать. Она просила его прийти, сказала, что нечто срочное к нему имеет, что никак нельзя обсудить по телефону. Делать нечего – в память о старом друге он собрался и отправился по его домашнему адресу.

По дороге от метро до дома он увидел толпу людей с елями. И снова Новый год. Колесниченко поймал себя на мысли, что уже второй Новый год подряд ему выпадает самая работа – все время случается нечто, что происходит рядом с ним и одновременно требует его горячего и деятельного участия. В прошлом году как снег на голову в буквальном смысле свалилась смерть Афанасьева, его близкого друга, которую ему же и поручено было расследовать. Теперь – убийство Федоровой, которая состояла с Бугримовой в приятельских отношениях и потому касалась его не только как следователя, но и как человека. И это – в ту прекрасную пору, когда обычная грязная московская зима с промозглым ветром, приходящим с северо-запада, полным отсутствием снега, солью и грязью на дорогах волшебным образом превращается в сияющую огнями универмагов и ресторанов предновогоднюю зимушку. Когда аромат апельсинов перебивает аромат свежесрубленных елей, продающихся на каждом шагу. Когда очереди в продуктовых магазинах становятся больше обычного раза в четыре, но никоим образом от этого не тяготят тех, кто в них находится, вселяя всем и каждому чувство перемен к лучшему, о которых все время говорит вот уже 17 лет бессменный Генсек, обращаясь в новогоднюю ночь к своему народу. Ну почему, думал следователь, почему ему уже много лет не удастся в полной мере насладиться самим праздником и следующими за ним каникулами? Связано ли это с тем, какую профессию он выбрал для себя, или просто детство – то сказочное время, когда так ждешь любого значимого праздника и веришь в чудеса, что он за собой несет, – безвозвратно ушло, оставив его, как и всех его ровесников, в этой унылой серости неуклонного старения?..

Что же касается отношений следователя с Бугримовой – подругой убитой Федоровой – то они, хоть и порицались официальной советской моралью, а все же имели место быть между закоренелыми холостяками, коими оба из них являлись. Колесниченко было чуть больше сорока. Бугримова, хоть и была постарше, не достигла еще и пятидесятилетнего возраста, и потому внешность ее никак не выдавала той небольшой разницы, что была между ней и Колесниченко. Скорее наоборот – стать цирковой артистки, бывшей плюс ко всему еще очаровательной жгучей брюнеткой, украшала такой спутницей общество любого мужчины. Правда, вместе они появляться на людях не рисковали, да и вообще держали свою связь втайне даже от близких друзей. Бугримова – по понятной причине. Дружба с Брежневой и те связи, в которые она оказалась вовлечена посредством такой дружбы, начисто исключали возможность присутствия в ее обществе честных сотрудников правоохранительных органов, к числу которых, без сомнения, относился Колесниченко. Он же, в свою очередь, также не мог скомпрометировать себя компанией людей, о богатстве и нечистоплотности которых судачила вся Москва. Но чувства, которые они испытывали друг к другу, были все же в высшем смысле взаимными – Бугримова часто сообщала ему секретные сведения, получаемые от Брежневой или ее друзей, а следователь предупреждал об опасностях и поворотах того или иного дела. Нет, он вовсе не питал слабости или любви к тем, кто не чурается преступить закон, хотя бы в мелочи. Просто та информация, которую она ему давала, была для него большим подспорьем, и он чувствовал себя в некотором роде обязанным ей, за которой ничего особо криминального не водилось. Его жертвами были ее друзья – люди, не гнушавшиеся, как показывали

последние события, даже человеческими жертвами в погоне за желтым металлом. Она от них отличалась. Хотя и ее квартиру не обошли стороной бриллианты, а все же ей они приплывали сравнительно честным путем.

Пока все эти мысли роились в голове измотанного за день Колесниченко, дорога до дома покойного друга пролетела, и он оказался в дверях его квартиры.

– Знаете, – торопливо заговорила Олеся. – У меня к вам дело. Я знаю, вы в добрых отношениях с Юрием Владимировичем Андроповым...

– Ничего особенного. Отношения, скорее, рабочие.

– Ну это все равно. Дело в том, что у меня к нему будет просьба, а напрямую он со мной разговаривать не будет.

– Просьба именно к нему? Никто из его подчиненных в аппарате не в состоянии решить ваш вопрос?

– Дело в том, что все его подчиненные – кто работал с Виктором или просто знал его, и кого я знала – мне уже отказали. А дело очень щепетильное...

– Что случилось?

– Понимаете, у Виктора мама. Она умерла в позапрошлом году...

– Да, я помню.

– Так вот, она хотела, чтобы его похоронили вместе с ней и с его отцом, на Кунцевском кладбище. Туда нам и добираться проще, и семейное захоронение в самом центре кладбища, все же не так, как сейчас – на Ваганьковском, да еще на самой окраине. Они это захоронение еще в 50-х для семьи приобрели, и хотели, чтобы Виктор, в случае чего, .. ну сами понимаете. Я, когда он умер, обратилась в аппарат, мне почему-то отказали. Обратилась сейчас, год спустя, когда все уже, поди, забыли про него – опять отказали. Так вот – не могли бы вы похлопотать перед Андроповым? Все-таки и мать, и он сам хотел, чтобы там...

– Любопытно, – задумался Колесниченко. – Никогда еще за покойников просить не приходилось. А почему вам отказывают, вы не знаете?

– Говорят, что все сотрудники такого масштаба должны быть похоронены в одном месте. Ну ведь это же ерунда. Им-то какая разница? А тут все-таки воля умершего...

– Ну хорошо, я попробую.

– И еще, – она взяла с телефонного столика в прихожей небольшую папку и протянула следователю. – Тут какие-то материалы. Витя просил отдать их вам, если с ним что-нибудь случится.

– Мне?

– Именно вам. Коллегам он не особо доверял. Может, поэтому такое отношение сейчас к моим просьбам. – Это действительно было так, Колесниченко помнил, как в последний свой день Афанасьев пришел к нему ни жив, ни мертв. – На похоронах я не решилась к вам подойти, ведь здесь что-то секретное, как я понимаю, а там было много его бывших коллег. Потом как-то закрутилось все, завертелось, вы в загранку уехали, а вот сейчас такая оказия. Думаю, надо, чтобы вы сами все это прочли и разобрались, что к чему...

– А вы читали? Что здесь вообще?

– Нет. Думаю, что какие-то его дневники, заметки о его работе последних лет. Не читала – своих проблем хватает, да и не привыкла я его волю нарушать. Захотел бы меня ознакомить, сам бы дал почитать, а так... есть информация, которой простым смертным, вроде меня, лучше не владеть.

Колесниченко согласился, еще раз пообещал помочь, забрал папку и отправился на метро домой. Дома, несмотря на позднее время, он открыл ее и начал читать. Много интересного обнаружил он внутри. Среди прочего – вот такой листок...

«Работал в архивах и обнаружил интересную папку под названием «Эксперименты над людьми в СССР». Долго и с интересом листал ее, выписывал для себя отдельные любопытные – и, вместе с тем, ужасающие – моменты. Пришел к простому выводу о том, что ВЧК/НКВД/КГБ всегда знало об этих экспериментах и даже поощряло их; без их/нашего участия ничего из того, о чем идет речь в этой папке, не могло бы быть осуществлено. Одно из доказательств – постоянные, непреложные разговоры о государственных интересах (не смолкающие, впрочем, и сейчас), во имя которых все эти эксперименты ставились.

Ну вот, например, если идти в хронологическом порядке. Один биолог, Илья Иванович Иванов, в конце 1920-х-начале 1930-х озадачился идеей скрестить обезьяну с человеком.¹ Пытался организовать осеменение человеческих эякулятов спермой шимпанзе во время своей работы в Гвинее, однако французское колониальное правительство не одобрило этот эксперимент.² Иванов писал: «Необходимо не только увеличить число опытов искусственного осеменения самок шимпанзе спермой человека, но и поставить опыты реципрокного скрещивания. Последние организовать в Африке гораздо труднее и сложнее, чем в Европе или у нас. Женщин, желающих подвергнуться опыту, несравненно легче найти в Европе, чем в Африке. Для этого рода опытов достаточно иметь 2—3 взрослых самцов антропоморфных обезьян».³⁴

После возвращения в Советский Союз в 1927 году Иванов предпринял ещё одну попытку провести осеменение эякулятов обезьяны в Сухуми. В 1929 году с помощью ОГПУ он получил поддержку от общества биологов-материалистов, группы из коммунистической академии. Весной 1929 года общество организовало комиссию по планированию экспериментов Иванова в Сухуми. Комиссия решила, что потребуется по крайней мере пять эякулятов-добровольцев для этого исследования. Дальше понятно, что было... Но это – еще цветочки.

Был еще один такой «ученый», некий Григорий Моисеевич Майрановский. Работал в 1930-х-1950-х заведующим т.н. «Лаборатории Х» 12 особого отдела ГУГБ НКВД, которая проводила опыты по воздействию ядов (в особенности – яда кураре) на организмы политзаключенных.⁵ Так вот работы у него шли так плодотворно, что в 1940 году он даже защитил в ВИЭМ докторскую диссертацию на тему «Биологическое действие продуктов при взаимодействии иприта с кожей». Высшая аттестационная комиссия при Комитете по делам высшей школы отклонила решение о присвоении Майрановскому учёной степени доктора медицинских наук. В 1943 году, однако, по представлению наркома госбезопасности В. Н. Меркулова было возбуждено ходатайство о присвоении Майрановскому учёной степени доктора медицинских наук и звания профессора по совокупности работ без защиты диссертации. В ходатайстве указывалось, что «за время работы в НКВД тов. Майрановский выполнил 10 секретных работ, имеющих важное оперативное значение».⁶

Под этими работами и понималось исследование действия ядов на живых людей, в результате которого погибли украинский националист Шумский, украинский архиепископ Теодор Ромжа, еврей Самет, американец Исая Оггинс и еще многие десятки и сотни человек, если не больше...

Ничуть не лучшие люди руководили в то же время магаданским лагерем «Бутугычаг», на котором без защиты люди вручную добывали радиоактивный уран. Понятно, что при таком положении дел они получали смертельные дозы заражения. Но там их не просто обрекали таким образом на смерть. Любой ученый знает – опыты на головном мозге, равно, как

¹ Лескова Н. Секс с большой обезьяной // Труд. – 8 апреля 2004. – №064.

² Москаленко В. Зачем человеку кентавр? // Зеркало недели. – 2004. – №50 (475; 27 декабря – 9 января).

³ Жирнов Е. Приматы развитого социализма // Журнал «Коммерсантъ Власть». – 22.03.2004. – №11. – С. 72.

⁴ Иванов И. И. Искусственное осеменение млекопитающих // Труды V съезда зоотехников. – М., 1929.

⁵ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. – М.: Олма-пресс, 1997

⁶ Энциклопедия секретных служб России. Авт.-сост. А. И. Колпакиди. – М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. – С. 609.

и любые исследования его, надо проводить, пока человек еще жив. В противном случае мозг первым из органов получает повреждения и отравления трупным ядом такие, при которых все свойства его теряются; потому мозг первым и умирает. Так вот тамошние «врачи», наблюдая за развитием лучевой болезни у заключенных, понимая, что тому жить осталось недолго, живому без наркоза вскрывали мозг и проводили на нем свои чудовищные исследования.⁷ Таким образом, якобы проверялось воздействие радиации на мозг человека и организм в целом...

Не верится, потому только, что вышибание мозгов широко практиковалось нашей службой еще в годы Гражданской войны, когда ни о какой радиации никто слыхом не слышал. Так, у знаменитого одесского чекиста Саенко в его резиденции стояла целая кадка для вышибленных мозгов, и временами он, напиваясь, любил перемазываться этой субстанцией с головы до ног.⁸ Но нет, мы об ужасах гражданской и сталинизма не будем – мы о временах более близких читаем в этой папке.

Вот – например листок с откровениями узника психушки (дело было уже то ли в 60-е, то ли в 70-е).

«К числу методов воздействия на лиц, заключенных в спецпсихбольницы, относятся:

1. Избиение (уголовников охрана может забить сапогами до смерти, я такие случаи помню; политических – нет, их надо сломать, но представить живыми).

2. Привязывание жесткое (до онемения конечностей, до пролежней; в особенных случаях привязывают так, чтобы веревки впивались в тело до крови. В таком состоянии могут продержаться неделю).

3. Сульфазин, или «сера» (везде запрещен, кроме СССР). Одна инъекция, или сразу две – в разные точки, или даже четыре (в руку, ногу и под лопатки). Дикая боль в течение 2—3 дней, рука или нога просто отнимаются, жар до 40, жажда (и еще могут воды не дать). Проводится как «лечение» от алкоголизма или наркомании.

4. Бормашина. Привязывают к креслу и сверлят здоровый зуб, пока сверло не вонзается в челюсть. Потом зуб пломбируют, чтобы не оставалось следов. Любят удалять неубитый нерв. Все это делается профессиональным дантистом в зубокабинете. «Санация полости рта». СПБ не имеют надзорной инстанции – жалобы не переилют, а если переслать тайно – их все равно не примут ни в прокуратуре, ни в Верховном суде. Узник СПБ бесправен даже больше, чем зэк. С ним можно сделать все. Насколько мне удалось узнать, бормашина применяется редко и только в Казани (испробовано лично).

5. Газообразный кислород подкожно. Вводят его толстой иглой под кожу ноги или под лопатку. Ощущение такое, как будто сдирают кожу (газ отделяет ее от мышечной ткани). Возникает огромная опухоль, боль ослабевает в течение 2—3 дней. Потом опухоль рассасывается, и начинают сызнова. Применяют как лечение от «депрессии». Сейчас применяется к наркоманам как средство устрашения (чтобы боялись попасть в клинику). Вводят кислород 2—3 минуты, больше не выдерживают обе стороны (палачи гложут от криков, жертва падает в обморок). Политзаключенным вводят кислород по 10—15 минут. (Испробовано лично, 10 сеансов.)

6. Аминазин (очень болезненные инъекции, при этом вызывают цирроз печени, непреодолимое желание заснуть – а спать не дают – и губят память вплоть до амнезии).

7. Галоперидол (аналоги трифтазин и стелазин, но они слабее). Создают дикое внутреннее напряжение, вызывают депрессию (черное излучение Стругацких), человек не может заснуть, но постоянно хочет спать, не может ни сидеть, ни лежать, ни ходить, ни писать (судороги рук изменяют почерк до неузнаваемости, не дают вывести букву), ни читать, ни

⁷ Анатолий Жигулин. Чёрные камни. – М.: Знамя, 1988. – №8. – С. 83—84.

⁸ В. Корнилов. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. – Харьков: Фолио, 2011. – С. 292.

думать. Неделя ударных доз – и нейролептический шок. Несколько месяцев – и потеря рассудка гарантирована.

8. Инсулиновый шок с потерей сознания (уничтожает целые участки мозга, снижает интеллект, память тоже пропадает).

9. Электрошок. Убивает сразу двух зайцев: во-первых, это пытка током, а во-вторых, разрушается непоправимо мозг».⁹

Конечно, скажет мой незримый собеседник и читатель, которого никогда не будет, многое из этого имело место еще при Сталине или Хрущеве. А почему тогда сейчас все это хранится в Особых папках и имеет гриф «Секретно»? Почему не прокричим об этом на весь мир как о позорном наследии прошлого? Не потому ли, что у тех, кто сегодня еще стоит у руля партийной и правоохранительной верхушки, еще рыло в пуху от этих дел?..»

«Вот уж действительно Империя Зла», – подумал Колесниченко. Эта записка оставила внутри него такой мерзкий осадок, что дальше уже и читать не хотелось. Стыдно было и за свою страну, и за ведомство, в котором служишь – конечно, прокурорского следа во всем описанном не прослеживалось, но следователь понимал, что все они одним миром мазаны, коль скоро замалчивают то, что долгое время вытворяли их коллеги по цеху. «Сколько еще потребуется времени, чтобы смыть позор? Да и заботит ли это кого?»

Часы показывали 12, а прочитать, меж тем, предстояло все – кто знает, как эти документы могут отразиться на том следствии, что он сейчас ведет? С болью в сердце Колесниченко продолжил перелистывать страницы.

Дальше следовала подробная записка об организации Афанасьевым пожара в гостинице «Россия» в 1976 году. Колесниченко была бы она интересна, если бы не его разговор со Щелоковым пятилетней давности, во время которого всесильный министр сам ему во всем признался. А вот дальше был действительно интересный документ. Такая же записка, выполненная на листе А4, примерно следующего содержания:

«Сегодня было поручено организовать „зеленый коридор“ для артистки Зои Федоровой. Видная такая бабушка, в „Свадьбе в Малиновке“ играла. Доброжелательная, приятная. Только уж очень много бриллиантов с собой вывозит, которые нашим службистам, по словам шефа, никак нельзя видеть. На мой вопрос Андропову ответил, что выпускают ее в таком виде по просьбе Щелокова. Уж не знаю, что у них там со Щелоковым, а только просьбу эту передавал Чурбанов. Знаю, что раньше, до 1978 года, ее выпускали к бывшему любовнику, Джексону Тэйту, который работал в Пентагоне. Обострять отношения с США не хотелось, вот и шли ей навстречу. Ей и ее „контрагентам“ по бриллиантовым вопросам. А сейчас, когда он умер, вроде как она свои вопросы через МВД решает. Конечно, у шефа со Щелоковым отношения натянутые, но в таких моментах, что называется, политических, они друг друга обязаны поддерживать. Ведь тогда, в 76-ом, после пожара Щелоков запретил обыски в КГБ, чем и довел Папутина и Крылова до самоубийства. По сути, прикрыл глаза на организацию нами пожара в гостинице. Услуга за услугу – Федорова таскает бриллианты жены Щелокова, перепродает их там и меняет на более дорогие, вот он и вынужден просить Андропова о помощи взамен на бездействие в мае 76-го...»

⁹ Валерия Новодворская. Прощание славянки (Захаров, 2009 г.)

«Очень мило, – подумал Колесниченко. – Еще больше неизвестных в этом бесконечном уравнении. Что же получается? Афанасьев знал о том, что верхушка МВД была причастна к махинациям с бриллиантами, в которых, так или иначе, светилась Федорова. Значит, убить его могли не только за пожар в гостинице „Россия“, но и за это. Опять след Чурбанова... Сердцем чую, не обошлось в убийстве Виктора без него... Что скажете, Юрий Михайлович?»

24 декабря 1981 года, Большой Кремлевский дворец

Новогодний концерт в Кремле закончился около 22 час. Партийная элита пообщалась еще некоторое время со звездами эстрады – Кобзоном, Мулерманом, «Песнярами», – которые обычно своим присутствием украшали такие суаре коммунистического разлива, – и отбыла на ближние дачи да в рестораны, чтобы продолжить начатое до концерта празднование еще не наступившего Нового года. Высших бонз здесь не было – им состояние здоровья и интересов не позволяли посещать подобные мероприятия. Зато Юрий Михайлович Чурбанов никогда их не пропускал. Когда получалось, он посещал их вместе с женой, хотя последнее время в их отношениях наметился значительный разлад – в скандале с ограблением квартиры Толстой оказался замешанным ее приятель, Буряце, с которым, по слухам, у нее была интимная связь. Не сказать, чтобы Юрий Михайлович сильно ревновал свою жену и потому, как писал Белинский, «обижался бы словами», которые в большом количестве произносились в ее отношении, даже носи они негативный оттенок. Скорее, ему нужен был повод, чтобы отдалиться от давно не любимой и не уважаемой им женщины, окончательно порвать с которой он не мог по причине того, что она и была главным его карьерным достижением в жизни. Оставить ее виноватой – лучшее средство, чтобы обеспечить себе карьерный рост и в будущем. Поэтому сегодня первый замминистра внутренних дел СССР прибыл на концерт один. Где его жена и чем она занимается, ему было глубоко плевать.

После окончания второго отделения он пообщался еще немного со своими однопартийцами, пожал руки артистам и куда-то исчез. Почти все знали, что местом его обитания на ближайшие несколько часов станет гримуборная молодой, но уже очень перспективной и достаточно заметной певицы Анны Лугачевой. Заметной настолько, что затмила даже сияние его сиятельного тестя; в те годы по Москве ходил анекдот: «Как напишут о Брежневе в энциклопедиях 20 лет спустя? А так: „Мелкий политический деятель времен Анны Лугачевой“». Его адъютант встанет перед дверью гримерки и будет охранять покой известной артистки и своего шефа, который завтра премирует его за отличную службу денежным довольствием или дефицитным пайком из «Елисейского».

– Ты, как всегда, великолепна, – войдя в гримерную, отвесил ее хозяйке комплимент генерал. Она в ответ ему улыбнулась – молодой еще человек в столь высоких погонах, интеллигентный и в то же время напористый, не мог вызывать отрицательных эмоций у молодой и привлекательной певицы. Всякий раз, глядя на него, она, как любая женщина, ставила себя на место Галины Леонидовны и проклинала судьбу – за то, что постановка эта возможна только в мечтах, а в реалиях ей суждено лишь оставаться его любовницей.

– Спасибо за комплимент.

– За правду спасибо не говорят. А великолепной женщине полагается преподносить только великолепные подарки

С этими словами он протянул певице небольшую бархатную коробочку. Внутри были красивые увесистые сережки с бриллиантами.

– С ума сойти, красота какая, Юра, – девушка, не сдержав эмоций, бросилась на шею своему кавалеру. – Кстати, а откуда они у тебя? – примеряя их у зеркала, уточнила она у своего благодетеля.

– Долгая история.

- У меня скоро фестиваль в Сопоте. За кордон-то с ними пустят?
- А почему нет?
- Брось дурака валять. Говорят, такие же были у Федоровой...
- Что за ерунда? Во всей Москве только у Федоровой?..
- Говорят, что да. Это же «Картье-Брессон», так?
- Смотри-ка, разбираешься.
- Так откуда они?
- Лучше ты мне скажи, откуда у тебя такая информация?
- Твоя супруга всем рассказывает. Рассказывала до недавнего времени, пока сама от этого убийства в шок не впала.
- Подольше бы она в этом шоке находилась...
- Вы игнорировали мой вопрос, Юрий Михайлович, – цитируя героя известного кинофильма, Лугачева была упряма, но как будто не очень тяготилась возможной правдой – она уже подошла вплотную к Чурбанову, стала стягивать с его шеи красивый форменный галстук, снимать с него генеральский китель, увешанный орденами.
- Догадливая ты у меня. Оттуда цапки, оттуда.
- Слушай! – она на секунду отпрянула от молодого генерала. – Ты что, причастен к этому убийству?
- Нет, но знаю того, кто причастен. Это он мне за молчание дал.
- Скажи, скажи, скажи! – как ребенок залепетала певица, повисая на шее у заместителя министра.
- Ну это уж нет. Много будешь знать – скоро состаришься. А зачем мне старая любовница? А ну-ка, вставай, как я люблю...
- Лугачева игриво хохотнула, а потом развернулась к нему спиной, сняла трусики, подняла вверх полы красивого концертного платья и уперлась руками в столик.
- Только аккуратнее, а то у меня там все прошлый раз бо...
- Она не успела договорить – резкими толчками генерал-полковник стал иметь ее как свою собственность. Несколько следующих минут только его напряженное тяжелее дыхание и ее повизгивания – то ли от боли, то ли от удовольствия – доносились в коридоре, где, корчась от борющихся в нем омерзения и похоти, терпеливо стоял адъютант мужа первой леди Советского Союза.

Глава пятнадцатая

24 декабря 1981 года, 23 час 45 мин, Москва, квартира Ирины Бугримовой на Цветном бульваре

Пока первый замминистра внутренних дел, всесильный Юрий Чурбанов, давно уже попавший в поле зрения следователя Колесниченко, предавался любовным утехам с заслуженной артисткой Союза Лугачевой, сам служитель закона тоже решил навестить возлюбленную. В это самое время они отдыхали с ней после любовных утех, обнимая друг друга прямо в кровати. Дрессировщица все пыталась побольше разузнать про убийство Федоровой, засыпая своего любовника бесчисленным множеством вопросов.

– Ну что ты из меня слова тянешь? Знаешь же, я стараюсь не разговаривать на рабочие темы в такой обстановке... – вяло отнекивался уставший Колесниченко.

– Прости. Но пойми и ты меня – Зоя была моей подругой. И не просто подругой, а... – Бугримова замялась, силясь подобрать подходящее слово.

– Коллегой по бриллиантовому цеху, – опередил ее категоричный следователь. – И так все понятно. Но должен тебя успокоить, тебя вряд ли ожидает ее участь – если, конечно, ты во время своих зарубежных поездок не вывозишь бриллианты за кордон.

– А разве Зоя..?

– А разве ты не знала? – он все еще не верил в искренность своей собеседницы – даже учитывая интимную обстановку. – Конечно, вывозила. Думаю, что Брежнева, крайне в этом заинтересованная, просила об этом Щелокова, а тот просил Андропова, чтобы ее не досматривали.

– Щелоков Андропова? Сам-то в это веришь? Они же ненавидят друг друга, вся Москва говорит.

– Ну не знаю, кто там что у вас говорит, а все же факт остается фактом. Правда, просил не сам, а через Чурбанова...

– Тогда это корне меняет дело.

– Почему?

– На прошлой неделе у меня была Галя. Так вот она рассказывала, что последнее время два Юрия как-то парадоксально сдружились. Часто встречаются – правда, вдали от посторонних глаз, – и ведут конфиденциальные разговоры.

– И когда это началось? – резко оживился Колесниченко.

– Около года назад.

«Хорошенькое дело. Около года. Если на минуту предположить, что это правда, то становится понятно, почему все так упорно препятствовали мне в ведении следствия по делу Афанасьева, а сам главный фигурант так озаботился своим алиби, что, не моргнув глазом, отправил под расстрельную статью тех, кто покрывал его преступления. А что, если речь идет о взаимных услугах? Афанасьева, конечно, убили не за пожар в гостинице „Россия“ – он стал слишком много трепаться о том, куда КГБ деваает неучтенные ценности. Одной из таких ценностей вполне могла стать „королевская лилия“ – причастность Брежневой мне ведь так и не дали доказать... А почему? – логическая машина в голове Колесниченко заработала на бешеных оборотах. – Чтобы оставался вопрос, ответ на который очень смахивает на правду. Если бы я тогда спросил или обыскал Брежневу или Буряце, которого Андропов разрешил допрашивать уже после, и они бы тогда – именно тогда, а не полгода спустя, когда все уже априори спрятано и рассовано по карманам – доказали, что у них ничего нет, то генералу Бобкову пришлось бы изрядно попотеть, доказывая, куда он спрятал „лилию“. Тогда тень бы упала на КГБ, а так – вороватая дочка Генсека, лучшей кандидатуры для подозрения и придумать нельзя... Афана-

сьев, наверняка, что-то знал о похищенном у Толстой и его нынешней судьбе – не зря он тогда пускался со мной в откровения. Так получается, что убийство его было выгодно и Чурбанову, и Андропову. Неважно, кто именно его исполнил – когда след пал на замминистра, следствие начали тормозить все, включая председателя КГБ. Начали фальсифицировать улики, признавать явные подделки настоящими доказательствами – чтобы только вывести Чурбанова из-под удара. И что, что же тогда?»

Владимир словно выключился из реальности – Ирина разговаривала с ним, а он не мог разобрать ни слова, пребывая в своеобразном трансе. Вот и все, думал он, пазл сложился. Но это было бы слишком легко, слишком запросто бы все объясняло. И выводы, которые такая логика подталкивала, были уж очень ужасающими. Что, если это не так? Если где-то в расчеты или в мнение той же Бугримовой вкралась ошибка? Пьяная Брежнева перепутала разговор мужа с подчиненным, приняв за собеседника Андропова. Могло так быть? Могло. И дай Бог, чтобы так и было, ведь в противном случае Колесниченко смело можно было прощаться не только с погонами, но, как показала история с Афанасьевым, и с жизнью.

Следователь не знал, что спустя год состоится беседа между Чурбановым и Андроповым, уже вступившим в должность Генерального секретаря ЦК КПСС и взявшим активный курс на борьбу с коррупцией в верхах МВД. Чурбанов всегда составлял костяк нечистых на руку начальников советской милиции, и, придя после смерти тестя, в состоянии глубокого шока, на прием к Андропову, просил для себя снисхождения и индальгенции от прошлых и будущих грехов. Разве мог бы Андропов кому-то еще пообещать такое? Только впал бы в ярость не лишний раз! А тут пообещал, прибавив: «Пока я жив, тебя никто не тронет». Чего бы ради такие милости вороватому милиционерскому генералу? Не потому ли, что, дойди дело до гласного открытого суда, пострадала бы от его воспоминаний репутация самого великого из всю историю СССР борца с преступностью?!

Владимир продолжал обнимать Ирину, но мысль даже по приказу не так-то легко было остановить.

«Если все так, то объяснения найти всему и вся вообще очень легко. От Чурбанова утекла информация о деятельности Отдела внутренней разведки в гостинице „Россия“, при его непосредственной помощи и был организован пожар, а потом мезтью за него было инсценировано убийство Афанасьева, который, судя по его последним словам и действиям, и по словам жены, уже и Андропову стоял поперек горла. Зачем? Очень просто – чем сложнее будут отношения у Андропова со Щелоковым, тем больше Андропову нужен будет свой человек в высших эшелонах МВД. Троянский конь, старо как мир. Он будет добывать компромат на своего непосредственного начальника, заталкивая его все глубже, тем более, что при любви его женушки к бриллиантам сделать это не так уж и сложно... Смотри, как все складывается, как писал Льюис Кэрролл, в единую красивую схему, как кружева...»

Внезапно в квартире раздался телефонный звонок. Хозяйка квартиры подошла к телефону, но вскоре, опешив, подозвала к трубке Колесниченко.

– Меня?!

– Да.

– Слушаю, Колесниченко.

– Владимир Иванович? Это Сельянов, извините.

– А вы откуда знаете, что я..?

– Вы верно забыли, что все же оперативный работник...

– Понятно. А многие оперативные работники вашего ведомства знают?

– Обижаете. Только я. Мы ведь с вами огонь и воду вместе прошли, так что я подумал, что вправе. Не обижайтесь, я не стал бы звонить, если бы не срочные новости, которые вам обязательно надо знать. Если сегодня я вам ничего не скажу, то уже завтра мне просто запретят с вами говорить.

– Что случилось?

– Несколько часов назад несколько сотрудников центрального аппарата КГБ произвели несанкционированную эксгумацию тела Федоровой.

– Цель?

– Не знаю. Только тело перезахоронили где-то вне кладбища, а на ее место положили тело другого человека. Так что думайте, Владимир Иванович. Конец связи.

Колесниченко, как и прежде, не слыша голоса своей возлюбленной, доплелся на ватных ногах до кровати и уселся на ней. «Что же получается? Труп извлекли специально, чтобы я, неровен час, не провел эксгумацию и не выяснил, что пуля в трупе... из табельного оружия?!»

Теперь все сошлось окончательно и бесповоротно. Следователь взглянул на Ирину, посмотрел ей в глаза. В какую-то минуту ему показалось, что она, уже столько раз помогавшая ему по службе и, несмотря на опасность, скрывавшая связь с ним, должна ему помочь и на сей раз. И главное – это в ее силах.

– Послушай, у меня к тебе просьба.

– Говори.

– Я тебе сейчас расскажу кое-какие соображения по делу Федоровой и выскажу свои предположения. Не уверен, что все они соответствуют действительности, но и дыма без огня тоже не бывает. Ты выслушаешь меня и скажешь, стоит ли с кем-то делиться ими?

– С кем-то?

– С Генсеком, Щелоковым и так далее.

– Но почему я? Вряд ли я надлежащий советчик в таком вопросе...

– Именно ты. Здесь важна женская интуиция, а у тебя, как у дрессировщицы, она развита более, чем у остальных. Так как? Поможешь?

– Постараюсь, – пожала плечами Ирина и заспешила из комнаты.

– Ты куда? – окликнул ее Владимир.

– За чаем. Разговор-то, я так понимаю, долгий будет...

25 декабря 1981 года, 12 час 00 мин, Кремль

Закрыв внеочередное заседание Политбюро ЦК КПСС, Генеральный секретарь партии Леонид Ильич Брежнев явно пребывал не в духе. Его расстроили сведения министра обороны Устинова о все больших потерях в Афганистане, и винил он в этом совсем не себя, и даже не Дмитрия Федоровича, хоть и полагалось издревле рубить голову послу, приносящему дурные вести. Вину в том, что советские войска основательно застряли в афганском котле, следовало возложить на любого внешнего удара (коего, к слову сказать, внешнеполитическая обстановка не исключала), Генсек возлагал на Андропова, который три года назад настоял на вводе ограниченного контингента, тем самым вызвав к жизни давно спящего дракона под названием «Большая игра». Война стремительно проигрывалась, а страны НАТО уже волком глядели в сторону Советского Союза. Председатель КГБ, заразивший Политбюро идеей взятия дворца Амина и следующей за ним молниеносной войны, выделил для одной только спецоперации группу «Альфа» и был таков, скинув бремя ведения боевых действий на плечи Минобороны и солдат-срочников. Последнее же двое уже явно с миссией не справлялись.

– Ну и что скажешь, Юра? – прокричал Генсек, оставшись в своем кабинете вдвоем с Андроповым. Оба только что приняли участие в заседании Политбюро и сидели с весьма постными минами.

– Думаю, что нам придется уходить из Афганистана в ближайшие дни, что называется, не солоно хлебавши.

– Ишь ты! Такую войну развязал, а теперь в кусты! Сдать позиции НАТО?! Ну уж нет! Наша страна никогда не проигрывала. Не рассчитали вы с Устиновым силы – это ваши проблемы. Изыскивайте дополнительные ресурсы, а на Госплан не рассчитывайте.

– Я на него особо никогда и не претендовал, себя КГБ прокормит, а вот Министерство обороны...

– Министерство... – недовольно ворчал Брежнев. – Кучка старых маразматиков. Мочиться скоро под себя будут, а все туда же – войны начинать! Они, к примеру, знают, что скоро еще одна такая, как у них пишут, гибридная, война начнется?

– Где?

– В Польше, где еще? Этот клоун Ярузельский там с рабочими воюет, стрелять уже по ним начал, лагеря для них строит. Совсем ополоумел. А вот их понять можно – недурно жили при капитализме, а теперь что? Один правитель дурнее другого. Вспомни, что тут на Съезде Гомулка нес? А этот солдафон, думаешь, умнее? Эти двое за 30 послевоенных лет жизнь Польши в ад превратили, а мы все им в ладоши хлопаем да головами киваем. Запад это все видит, понимает, что без нашей поддержки этот Ярузельский в рабочих стрелять не стал бы – опыт Никиты в Новочеркаске, видать, покоя не дает, – и вводит в нашем отношении все новые санкции. Это что значит? Что и без того дырявый Госплан совсем скоро на ладан задышит. – Брежнев вспомнил события 1962 года, когда его предшественник, Никита Хрущев, отдал приказ стрелять в поднявших бунт в городе Новочеркасске рабочих, возмущенных ростом цен на мясо. – Людям жрать нечего, в магазинах полки пустые, а у нас все деньги на войну в ДРА уходят. Да и источников, в связи с этими санкциями, становится все меньше. И что делать?

– Нам надо обсудить этот вопрос на расширенном заседании...

– Да хватит! – возмущенно прикрикнул Генсек. – Прозаседавшиеся. Одно заседание за другим, а решения нет. Решение тебе принимать, тебе его и исполнять. Думай, как радикально решить вопросы без ввода войск в ПНР. Если мы и там продумем, как в Афганистане, народ нас сметет как в 17-ом году. Так что там ошибиться мы не имеем права. А уж приводить в исполнение это решение, думаю, ты сообразишь, как и на какие шиши. Валюта-то в заглашнике есть?

– Найдем.

– Откуда взял? Небось у Федоровой отобрал, когда пулю ей в лоб всаживал?

Андропов побледнел. Он никак не ожидал такой осведомленности от Генсека, давно уже сторонившегося внутренней политики.

– Леонид Ильич...

– Да ладно, мне все равно. Главное, чтобы государственные задачи решались. А одним казнокрадом больше, одним меньше – не суть. Как и с диссидентами. Думаю, что в ПНР тоже такие смутьяны есть, они-то и учиняют эти беспорядки. Ты с ними разберись, Юра, и как можно скорее, а не то...

– Слушаюсь, Леонид Ильич.

– Вот и молодец, что слушаешься. Кстати, как твое здоровье?

– Спасибо, держусь. А что такое?

– Сулову хуже.

– Михаилу Андреевичу? А что с ним?

– А что может быть в 76 лет? Все, что угодно – весь медицинский справочник. Чазов мне сказал, что ему считанные дни остались.

– И что вы думаете в этой связи?

– Думаю, перевести тебя на его место.

– А как же КГБ?

– Во-первых, ты будешь и дальше его курировать, но уже по линии ЦК. А во-вторых, у тебя там есть надежные кадры, которые в любую минуту могут тебя заменить, а?

- Кого вы имеете в виду?
- Ну, Цинёва, я знаю, ты не любишь. Не отнекивайся, знаю, что считаешь его моим ставленником и стукачом. А насчет Семена что скажешь?
- Цвигуна? Неплохая кандидатура. Ответственный и исполнительный человек.
- Вот и хорошо. Пока торопиться не будем, но потихоньку работу в этом направлении можешь начинать. Бывай.

Вечер того же дня, квартира Ирины Бугримовой

Генерал КГБ Семен Кузьмич Цвигун действительно был правой рукой Андропова, как нельзя более приближенной к Брежневу. Был у него и второй заместитель – Цинев, также дружный с Леонидом Ильичом, но он уж очень любил заниматься стукачеством и подсиживанием, а потому председатель КГБ ему не доверял. Он знал, что тот хочет занять его место, и потому постоянно поливает Андропова грязью в глазах хозяина Кремля. Последнее время Брежнев часто бывал недоволен Андроповым – как по причине явного провала его затеи с Афганистаном, так и по причине подчас опрометчивых внешнеполитических операций. Пользуясь этим, Цинев лил грязь на своего непосредственного начальника денно и нощно. Он все время думал, что терпению Брежнева вот-вот наступит предел, и тот отправит его в отставку по состоянию здоровья, которое у Юрия Владимировича действительно было удручающее. Только вот планам Цинева относительно места главы КГБ сбыться было не суждено – Брежнев жутко не любил доносчиков. Он и без него был в курсе всего, что происходило на Лубянке и за ее пределами, и потому рассматривал поведение своего днепропетровского земляка как предательское. В его понимании, чтобы быть порядочным, нужно было бы в трудный момент поддержать начальника, а никак не усугублять его положения. Потому, если бы Брежнева завтра поставили перед необходимостью сменить председателя КГБ, он бы, не думая ни минуты, назначил на эту должность своего друга Семена Цвигуна.

Семен Цвигун, заместитель председателя КГБ СССР

Генерал Цвигун был поистине исторической и масштабной личностью. Помимо всех положительных качеств, которые были присущи ему как человеку и как контрразведчику, он обладал еще совершенно хрестоматийной биографией. В годы войны вместе с Брежневым оборонял Малую Землю, дослужился до полковника и Героя Советского Союза еще при Сталине. Сейчас занимал скромный пост заместителя председателя КГБ, хотя имел воинское звание генерала армии и, принимая во внимание короткое знакомство с Леонидом Ильичом, мог бы занимать куда более весомую должность. Кроме того, в свободное время он писал книги и сце-

нарии о разведчиках и контрразведчиках под псевдонимом Семен Днепров. По его сценариям поставлены знаменитые в советское время фильмы а также сценарии к фильмам: «Фронт без флангов» (1974), «Фронт за линией фронта» (1977), «Фронт в тылу врага» (1981), «Возмездие» (1981). Под псевдонимом «генерал-полковник С. К. Мишин» консультировал создателей телесериала «Семнадцать мгновений весны» и фильма «Укрошение огня» (под собственными именем и фамилией). Именно его слова в поддержку стали решающими, когда коллегия КГБ СССР обсуждала вопрос о выпуске на экраны многосерийного телевизионного фильм «Адъютант его превосходительства».¹⁰

И сегодня вечером этот удивительный во всех отношениях человек, обладавший такой властью, какой обладает не всякий член Политбюро, входящий во все кабинеты, был гостем квартиры Ирины Бугримовой. Как человек искусства, он был поклонником ее выступлений, часто преподносил ей цветы, встречался с ней на правительственных банкетах. Сегодня ей понадобилась ее помощь – он прекрасно понимал, что стоит за столь необычным приглашением. И он не отказал.

Придя к ней домой, Цвигун с удивлением обнаружил там следователя Колесниченко, которого часто видел выходящим из приемной Андропова. Когда тот начал говорить, генерал сразу посоветовал ему обратиться выше. Но после того, как он закончил свою речь, тот понял: он – единственный человек, который в сложившейся ситуации может ему помочь. И помочь ему надо, слишком серьезный вопрос поднял этот маленький человек. И вопрос этот может задавить не только этого маленького человека, но и кое-кого из Кремля... Выходя из квартиры Бугримовой сегодня вечером, генерал Цвигун уже знал, кому он расскажет о своем сенсационном открытии.

¹⁰ Mr. Brezhnev and the KGB, газета Hindu от 16.09.1975.

Доктор Сигурд Йоханссон. О спецоперациях КГБ начала 1980-х и убийстве артистки Зои Федоровой

Авторы предпринимают очень смелый литературный ход, вплетая в разноликую канву романа события внешней политики 1981 года, действительно богатого на различные происшествия, наверняка не обошедшие стороной участие КГБ СССР. Рассмотрим их подробнее. Но начнем с персоналий наиболее активных их действующих лиц внутри страны – в этом качестве авторами верно указаны Вячеслав Кеворков и Виталий Левин, больше известный в наше время под именем Виктор Луи.

Итак, Кеворков. Личность куда как знаменитая не только в среде разведчиков-профессионалов, но и в московской богеме начала 1980-х.

Родился 21 июля 1923 года в Москве, закончил военный институт иностранных языков. С 1945 года работал в Берлине переводчиком Союзнической военной администрации в Германии. Затем служил в Генеральном штабе Советской Армии. Участник разоблачения военных сотрудников бывшего рейха. В 1950 году был откомандирован в МГБ СССР, где начал работу в должности оперуполномоченного в системе контрразведки, позже работал заместителем начальника. В 1969 году по поручению председателя КГБ Ю. В. Андропова создал канал «секретной связи» для высшего руководства СССР и ФРГ. Ключевая фигура тайного канала между СССР и ФРГ: установил, минуя дипломатические каналы, прямую связь между Л. И. Брежневым и Вилли Брандтом, способствовал заключению советско-западногерманского договора (1970).¹¹

Отсюда становится понятно, откуда Брежнев его знает и так тепло о нем отзывается.

Дружил с журналистом Виктором Луи¹² (как верно подмечено авторами; личность этого человека будет нами раскрыта позднее; даже написал о нем книгу с красноречивым названием «Человек с легендой»; вообще был не чужд служения муз), писателем Юлианом Семёновым и был прототипом Виталия Славина – сотрудника КГБ в романе и телесериале «ТАСС уполномочен заявить...»¹³ и романе «Межконтинентальный узел».¹⁴

¹¹ Кеворков В. Е. Тайный канал. – М.: Гея, 1997. – 320 с. – ISBN 5-85589-030-9

¹² Кеворков В. Е. Виктор Луи. Человек с легендой. – М.: Семь Дней, 2010. – 352 с. – ISBN 978-5-88149-449-0

¹³ Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. – М.: Центрполиграф, 2008. – С. 248. – 512 с. – 6000 экз. – ISBN 978-5-9524-3860-6.

¹⁴ Кеворков В. Е. Исповедь перед казнью. – М.: Совершенно секретно, 2005. – 256 с. – ISBN 5-89048-159-2

Вячеслав Кеворков

В 1972—1982 годах – начальник 3-го отдела Второго главного управления КГБ (контрразведка), начальник управления. С 1982 года заместитель генерального директора ТАСС. С октября 1991 года – руководитель регионального бюро ИТАР-ТАСС в Германии, Австрии и Швейцарии.

Под непосредственным руководством генерал-майора Кеворкова в 1975 году в системе МИД СССР была организована служба безопасности, в результате работы которой были разоблачены ряд агентов зарубежных спецслужб. По службе был близок с председателем КГБ СССР Юрием Андроповым. Имел также контакты с Леонидом Брежневым, в том числе через его дочь Галину. Этот факт авторы также весьма красочно нам подтверждают.¹⁵

До конца жизни патриот России Кеворков жил в Германии, недалеко от Бонна, поддерживал дружественные отношения с бывшим канцлером Эгоном Баром. Скончался 9 июня 2017 года на 93-м году жизни в ФРГ.

Как уже было сказано, близким другом его был Виктор Луи. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», хотя в случае с происками Кеворкова, бывшего «приятелем» Галины Брежневой, общество которой не красило контрразведчика, и организатора «тайных каналов» (то есть международных авантюр), все понятно. Для того, чтобы у читателя сформировалось окончательное представление о том, кем были эти двое, личность второго субъекта надо разрисовать во всех красках.

Виктор Луи

Виталий (позже – Виктор, у него вообще было много имен и фамилий, включая Левин, под которой он представлен в романе) Луи родился в Москве в феврале 1928 года. С 1944 г.

¹⁵ Кремлёвская оперетка. – М.: Гея, 1997. – 278 с. – ISBN 5-85589-029-5

работал в составе обслуживающего персонала различных иностранных посольств в Москве и в 1946 г. был арестован и приговорён Особым совещанием к 25 годам заключения по обвинению в спекуляциях.¹⁶

В воспоминаниях Валерия Фрида упоминается встреча с Виктором Луи в лагере в Инте, около 1950 года. В лагере Виктор Луи занимался скупкой за хлеб шерстяных вещей, шедших на сырьё для ковровой мастерской, обслуживавшей начальство. Именно он познакомил Фрида с Каплером. По словам Фрида, Каплер охарактеризовал Виктора Луи прямо в его присутствии следующим образом:

« – А пока что, Валерик, – и Каплер улыбнулся ещё шире, – если вы не хотите иметь крупных неприятностей, будьте очень осторожны с этим человеком.

– Дядя Люся! – обиделся Луи, а Каплер, всё с той же улыбкой, продолжал:

– Вы думаете, я шучу? Совершенно серьёзно: это очень опасный человек.

Опасный человек, оказывается, кроме обязанностей снабженца, исполнял и другие: был известным всему лагерю стукачом».¹⁷

В 1956 г. Луи был освобождён и реабилитирован. После этого он стал работать в московском бюро CBS, а затем помощником московского корреспондента американского журнала Look Эдмунда Стивенса и корреспондентом британских газет The Evening News (до 1980 г.) и The Sunday Express (с 1980 г.).

Уже в 1958-м Луи продал западным СМИ стенограмму пленума Союза писателей СССР, на котором из рядов Союза был исключен лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак за публикацию «Доктора Живаго».

Первой сенсационной публикацией Луи было сообщение в октябре 1964 г. об отставке Н. Хрущёва раньше, чем об этом было официально объявлено. Сам Луи утверждал, что ему об этом намекнул друг из Радиокomiteта, хотя, учитывая его дружбу с Кеворковым, это утверждение нетрудно опровергнуть.

В 1965 г. после женитьбы на британке Луи приобрёл дом в Переделкино, который был затем богато обставлен.¹⁸

В 1967 году Луи без разрешения автора продал рукопись «20 писем к другу» Светланы Аллилуевой.

В 1968 году Луи также без разрешения автора переправил на Запад рукопись «Ракового корпуса» Александра Солженицына. По мнению Натальи Солженицыной, это было сделано, чтобы заблокировать публикацию «Ракового корпуса» в «Новом мире» внутри СССР. По поводу деятельности Луи Солженицын был вынужден написать открытое письмо в Союз писателей СССР. Впоследствии Солженицын описал историю с Луи в книге «Бодался телёнок с дубом».¹⁹

В 1968 году Луи ездил на Тайвань, с которым у СССР не было дипломатических отношений, и вёл неофициальные переговоры с сыном Чан Кайши Цзян Цзинго. 16 сентября 1969 года в Evening News появилась статья Луи, в которой говорилось о возможности нанесения Советским Союзом превентивного ядерного удара по КНР.

В 1971 году Луи также неофициально ездил в Израиль, с которым у СССР тогда не было дипломатических отношений. Летом же 1971 года Луи опубликовал на Западе репортаж о гибели экипажа «Союз-11», по его версии – виноваты были космонавты Волков, Пацаев

¹⁶ Медведев Р. А. Андропов. – М.: Молодая Гвардия, 2006. – С. 172. – 434 с. – (Жизнь замечательных людей). – 5000 экз. – ISBN 5-235-02866-X.

¹⁷ Фрид В. С. 58 ½ или записки лагерного придурка. – М., ИД Русанова, 1996 г., ISBN: 5-87414-057-3

¹⁸ Vronskaya, Jeanne. Obituary: Viktor Louis (21 июля 1992), стр. D20

¹⁹ Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 тт., т. 28, «Бодался теленок с дубом». – М., Время, 2018 г., 768 стр., ISBN: 978-5-9691-1726-6

и Добровольский, которые якобы не смогли «должным образом задраить люк спускаемого аппарата».

Луи утверждал – и теперь понятно, что говорил правду, – что с конца 1960 г. он несколько раз встречался с председателем КГБ Юрием Андроповым и по его поручению в 1973 г. побывал в Чили, чтобы убедиться, что арестованный после военного переворота руководитель Коммунистической партии Чили Луис Корвалан жив (в Чили ему организовали встречу с Корваланом). Кеворков в своей книге пишет, что руководитель КГБ запрещал каким-либо образом формализовать отношения КГБ с Луи и выпускать даже секретные документы об этом сотрудничестве.

А. Д. Сахаров писал о Луи так: «Виктор Луи – гражданин СССР и корреспондент английской газеты (беспрецедентное сочетание), активный и многолетний агент КГБ, выполняющий самые деликатные и провокационные поручения. Говорят, сотрудничать с КГБ он стал в лагере, куда попал много лет назад. КГБ платит ему очень своеобразно – разрешая различные спекулятивные операции с картинами, иконами и валютой, за которые другой давно бы уже жестоко поплатился».

В 1984—1986 годах Луи продал западным СМИ несколько видеозаписей А. Д. Сахарова в ссылке в Горьком. За 18-минутную запись американская телекомпания ABC заплатила 25 000 долларов. На одной из записей было видно, как Сахаров ест и читает американские журналы. Видеозапись противоречила распространявшейся тогда информации о голодовке протеста Сахарова. В другой записи Сахаров говорил, что значение Чернобыльской катастрофы преувеличивается западными СМИ. Жена Сахарова Елена Боннэр назвала эти записи дезинформацией КГБ.²⁰

Последняя сенсационная публикация Луи – это подробный пересказ допросов Матиаса Руста, немецкого пилота-любителя, посадившего свою «Сессну» прямо на Красной площади. За эту публикацию в одном из немецких журналов Луи получил сумму с пятью нулями.²¹

В марте 1987 года в Кембридже Виктору Луи была сделана операция по пересадке печени, после того как у него был диагностирован рак.²² Скончался 18 июля 1992 года в Лондоне от сердечного приступа. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве (уч. 23, Пукиревская аллея).

При жизни он владел квартирой в высотке на Котельнической набережной, квартирой на Ленинском проспекте, квартирой на Фрунзенской набережной и дачей в подмосковной Баковке – Андропов умел жаловать своих осведомителей «с барского плеча».

В кругах немногочисленных в советское время владельцев иномарок Луи был известен благодаря своей коллекции автомобилей. В разное время у Луи было по несколько Mercedes-Benz и Volvo, Porsche 911, Ford Mustang, Land Rover, Oldsmobile, кемпер на шасси VW Transporter и даже советские «Москвич-424» и ВАЗ-2103. Из старинных авто – любимый Bentley 4 1/4 Litre, BMW 328, Mercedes-Benz 320. По утверждению самого Луи, автомобилей у него было больше, чем у Брежнева.²³

Итак, теперь понятно, что имея в своем арсенале такую компанию как Кеворков и Луи, больше смахивающую на кота Базилио и лису Алису, только опаснее, КГБ могло и проворачивало на Западе беспрецедентные спецоперации, за которые исполнителей потом щедро одаривал – в том числе драгоценностями, не всегда законно забираемыми у убиваемых спекулянтов. На эти же средства проводились и сами спецоперации, к числу которых относится и ликвидация президента Панамы Омара Торрихоса. Чтобы понять, с какой целью она была

²⁰ Сахаров А. Д. Воспоминания // «Знамя», 1990 г., №10 – 12; 1991 г., №1 – 5, 9, 10

²¹ Давид Маркиш. Виктор Луи: Вопросы без ответов. // Лехаим. Сентябрь 2002 – Тишрей 5763, 9 (125)

²² New York Times. Mar 22, 1987. P. 12

²³ New York Times. May 31, 1986

осуществлена, надо окунуться в сопутствующие события – Хейг небезосновательно обвиняет СССР в финансировании международного терроризма,²⁴

²⁴ Waller, Douglas C. Congress and the Nuclear Freeze: An Inside Look at the Politics of a Mass Movement, 1987. Page 19.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.